

И. С. НАРСКИЙ

Современный позитивизм

<Фрагмент>

Своеобразной разновидностью неопозитивистского истолкования предмета философии являются идеи, высказанные Л. Витгенштейном в его посмертно изданной книге «Философские исследования» (1953). Идеи эти завершают эволюцию его собственных блужданий, первый этап которых, относящийся к «Логико-философскому трактату» (1921), мы разобрали выше. В конце концов, Витгенштейн пришел к мысли о почти полном превращении философии в отрасль филологии, занимающуюся уточнением значений слов. Такой бесцветный финал обесценил многолетние его поиски философской «истины». И это не случайно. Прежде всего данный вывод следует поставить в связь с общей для британских аналитиков тенденцией избегать точной квалификации своей философской принадлежности. Мур, Рассел и Айер считали «метафизической ошибкой» причисление логического позитивизма именно к позитивизму. Они предпочитали слыть не философами логического анализа, но логиками, анализирующими философию. Это стремление свойственно и Витгенштейну, взгляды которого вообще связаны с английскими философскими традициями. В чем заключаются конечные «достижения» этой тенденции?

Один из мотивов «Философских исследований» Витгенштейна заключался в отрицании того, что их автор занимает какую-либо определенную философскую позицию, хотя бы и позитивистскую. Что же остается в его работах от философии? По его словам, только «деятельность прояснения предложения». О ней уже шла речь в «Логико-философском трактате», но теперь эта деятельность не приводит и к тем мизерным результатам, которые были достигнуты в «Трактате». Считая свои прежние взгляды на предмет философии «догматическими», Витгенштейн предложил теперь

философам заняться анализом слов уже не в их научно-теоретических, но именно в «повседневных» (с его точки зрения, столь же конвенциональных) значениях. Эти конвенции не имеют, по мнению Витгенштейна никакого отношения к анализу языка, то есть находятся за пределами «реформированной» им философии. Иными словами, философия обязана придерживаться чисто описательных методов, констатируя, в каких именно значениях люди употребляют данные слова, и не помышляя о какой-либо оценке этих значений и их преимущественном отборе.

Это значит, что Витгенштейн превратил философию во вспомогательный метод классификации значений слов. Такой результат содержался в скрытом виде, как возможность, уже в первых определениях Карнапом предмета философии, а в более явной форме — в рассуждениях Папа. Как заявил Витгенштейн, задача состоит в том, чтобы от философского употребления слов «возвратиться» к повседневному их употреблению. Всякая проблема теперь, по словам Витгенштейна, может быть названа философской, коль скоро она неясна и требует уточнения, и в то же время никакая проблема уже не является собственно философской, поскольку всякая традиционно-философская проблема сводится, в конечном счете, к проблематике словоупотребления в обычном языке. Философия как таковая исчезает, заменяясь «игрой» в индивидуальные языки.

Усмотрение задач философии в логическом анализе структуры и взаимоотношений фиксированных в языке фактов (как это было у молодого Витгенштейна) или в логическом анализе структуры научного языка (точка зрения Карнапа) не порывало еще с философской проблематикой окончательно. Когда же Витгенштейн свел задачу философии к устранению неясностей повседневного языка путем филологического анализа грамматической структуры и семантики последнего, то от философии как таковой не осталось уже совершенно ничего, а философ превратился в филолога, занятого исправлением и редактированием языка. Философ — заявил Витгенштейн — обходится с тем или иным вопросом, «как с болезнью»; задача философии — «указать мухе выход из бутылки»¹, т. е. помочь человеку уйти от философских проблем.

В «Философских исследованиях» Витгенштейн, как и его последователи Райль, Остин, Уисдом, фактически остался на принципиальных позициях логического позитивизма со всеми присущими ему неразрешимыми трудностями, но добавил

---

¹ Wittgenstein L. *Philosophical investigations*. Oxford, 1953. P. 103.

к ним еще одну: как отличить философию в его, Витгенштейна, понимании от обычной филологии? По этому поводу томист Фредерик Коплстон заметил: «Зрелый Витгенштейн исключил часть догматизма молодого Витгенштейна, но можно сказать, что вместе с тем он исключил и философию»². Действительно, что же остается от философии, если считать, что «результаты философии есть обнаружение какой-либо бессмыслицы и кочки, на которую разум наскокил в своем беге к границе языка»³?

Совершенно справедливо Морис Корнфорт приходит к выводу, что зрелый Витгенштейн превратил философию в своего рода собрание случайных заметок⁴.

Многие буржуазные историки философии чувствуют, что результаты вроде тех, к которым пришел Витгенштейн, — это своего рода Геркулесовы столпы деградации философии. Так, например, И. Фишль признал, что «философия современности не есть прямолинейное продолжение философии нового времени, но ее крушение и конец»⁵. Буржуазные философы (а позитивисты оказались здесь среди них первыми) сами приложили силы к тому, чтобы развалить ими же сооруженное философское здание.

Строгая логическая «последовательность», которой неопозитивисты пытались огородиться от упреков в субъективизме, привела их философию к самоотрицанию. Но причина здесь заключалась не в логической непоследовательности мышления, а в ложности исходных его посылок, порочности изначального замысла создания «абсолютной антиметафизической» философии. Создание такой философии невозможно, возможны только либо материалистическая философия (таковой неопозитивизм не является, о чем свидетельствует хотя бы его отношение к иррационализму и религии), либо философия антиматериалистическая (неопозитивизм является именно такой философией, хотя его представители и отрицают это).

Как бы ни было велико число ученых-естествоиспытателей, стоящих на стихийно материалистических позициях и надеющихся обрести в позитивизме их обоснование, какой бы острой ни была полемика откровенных идеалистов с позитивистами, а позитивистов — с «метафизиками» вообще и каким бы искренним ни было стремление некоторых позитивистов к очищению науки от примеси безосновательных спекуляций — а это стрем-

² *Copleston F. C.* Der frühe und der späte Wittgenstein. Münster, 1957. S. 12.

³ *Wittgenstein L.* Philosophical investigations. P. 48.

⁴ *Корнфорт М.* Наука против идеализма. ИЛ, 1957. С. 199.

⁵ *JFischl J.* Materialismus und Positivismus der Gegenwart, Graz, 1953. S. 4.

ление их, но только оно одно, безусловно совпадает со стремлением материалистов, — все-таки неопозитивизм есть безусловно антиматериалистическая философия.

Иногда неопозитивисты прикрывают свою борьбу с материализмом утверждением, будто бы последний не имеет отношения к философии, но «приемлем» в естествознании. «Материализм, — заявлял позитивист Филипп Франк, — поскольку он говорит о сведении жизненных процессов к физическим, есть естественнонаучная теория и не имеет отношения к учениям школьной философии о действительном мире»⁶. В данном случае Ф. Франк в интересах позитивизма попытался «обезвредить» материализм, взяв его за одну скобку с «физикализмом» Карнапа, т. е. с лингвистической концепцией перевода предложений всех наук в предложения, состоящие из терминов физики. Однако физикализм как таковой не имеет ничего общего с проблемой действительного взаимоотношения психических и физических процессов, а тем более взаимоотношения материи и сознания.

---

⁶ *Frank P. Das Kausalgesetz und seine Grenzen. S. 272.*